

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 138 (454)

14 ОКТЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

За рубежом

ТЕАТР ВО ФРАНЦИИ

Во французской прессе появились за последнее время ряд статей на рижских театральные деятели, освещающих тяжелое положение театра во Франции.

Опубликованная в «Тан» статья Поль Абрама, директора одного из крупнейших парижских театров, ставит вопрос уже не только о театральном кризисе, но о существовании театра вообще.

Как директор субсидируемого государством театра Поль Абрам прежде всего горько сетует, конечно, на недостаточность дотаций, чрезмерность налогов, непоследовательность форм финансирования и т. д.

«Подумайте, каждый вечер, прежде чем наша выручка успевает попасть в директорскую кассу, касса уже накладывает на нее руку». А ведь полные сборы — явление, только предположимое фискальными властями, весьма далекое от действительности.

Поль Абрам находит этот беспощадный налог «та скромная раздельная доля» тем более вопиющей, что налог на предметы роскоши отменен. «Пролета автомобиль в несколько сотен тысяч франков или жеумочное колесо в несколько миллионов уже не облагается налогом, а несчастный театральный билет, даже самый дешевый, купленный рабочим-инженером студентом на представление «Сила» или «Андромеда», не может избежать налога», — негодует автор статьи.

Однако, говоря о кризисе театра, Поль Абрам объясняет его не только причинами финансового характера, а видит корень в значительном углублении в основном это, по его мнению, «предрат» современного кризиса. С одной стороны, драматическое искусство — зеркало, отражающее всевозможное и всеобщее лицо эпохи, — претерпело за это тяжелое время неизбежные изменения, с другой стороны, у среднего парижанина изменился вкус: то, что раньше было для него высоким театральным благополучием, теперь, когда его жизненный уровень находится под неустанным угрозой, его уже не трогает.

Одной из наиболее серьезных причин грозящего банкротства Поль Абрам считает чрезмерную аристократизацию театра.

«Закрываются несколько крупных театров, вместо которых расползаются мелкие театральные предприятия, требующие создания особого типа пьес, представляющих для ограниченного круга избранной публики.

Широкая публика, которой президентская психологическая сложность этого нового «эзекского» репертуара припала не по пути, охладела к театру и ринулась в кино».

Сознания всю тяжесть создавшегося для театра положения, Поль Абрам настойчиво требует у государства помощи этому делу.

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА ПЕЧАТИ

В 1936 г. Национальная библиотека Франции устраивает выставку печати, посвященную 500-летию книгопечатания по способу Гуттенберга.

ДИСКУССИЯ О ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ

«Автор детективного романа ставит перед собой более сложную психологическую задачу, чем романист другого жанра, так как здесь развязка интриги предопределена заранее и действующие лица должны во что бы то ни стало к ней приспособиться» — пишет английский романист Дороти Сейерс, специализировавшаяся на жанре детективного романа.

Подобно Сейерс, Поль Моран (в «Вальдском обозрении») в статье о детективном романе утверждает, что детективный роман должен отказываться от психологических задач.

«Вой роль — не углубляться в сумерки души, а заставить своих марionеток неустанно читать с безупречной точностью чужого механизма. Его область — чистое действие».

Любопытно отметить, чем объясняет Поль Моран успех детективного романа. «Каждый читатель чувствует себя не только возможной жертвой, но и возможным убийцей — психологическая искра в нас бесконечно нуждается в убийстве. Лучшая игра нашего времени — кровь. Чтобы подышать ее приторным запахом, мы покупаем детективный роман».

Поль Моран пытается даже найти в детективном романе «особую форму социальной борьбы». «Если жертва — миллиардер, владелица процветающих предприятий или роковых жеумочных люффер или горничная, любящая заблудить кингу, падает в ней тем больше удовлетворения, что беззастенчиво поощряет себя убийцами своих восток».

Вот мнение французского романиста о читателе, вот психологическая и социальная «базис», которую он пытается повести под этот жанр.

ЖОРЖ КОЛЕН О СОВЕТСКОМ РАДИОВЕЩАНИИ

Артист парижского радиовещания Жорж Колен, в августе последний СССР, помещал в журнале «ТСФ-программ» статью под заголовком «Дорога Колен говорит о радио в СССР».

Колен отмечает успехи советской организации радиовещания и сообщает о своих планах ознакомления французских радиослушателей с произведениями русских классиков и советских авторов. Кроме того он указывает, что в ближайшем будущем в СССР будут передаваться прямые репертуара французского радио, которые в настоящее время переводятся на русский язык.

Колен исполняет сейчас в Париже перед микрофоном сцену из «Ревизора». Он работает над инсценировкой «Ветера в Сорренто» Тургеня и собирается в дальнейшем дать вещи Кюрюна и Шкаврякина.

В заключение он заявляет: «Французские радиослушатели скоро будут иметь случай ознакомиться с достижениями СССР в области радиотехники. Это надо приветствовать, так как очень интересные вещи написаны молодыми советскими писателями, которые в противоположность французским писателям не пренебрегают средствами выражения, позволяющими им иметь огромные аудитории».

НОВЫЙ ОТРЯД БОРЦОВ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ

Торжественное открытие факультета литературы

Буквально днями исчисляется история единственного в Москве факультета литературы. Выступивший на открытии литфака профессор Сергиевский назвал четыре даты, которыми пока исчерпывается биография факультета.

23 августа нарком просвещения А. С. Бубнов подписал приказ об организации при Московском историко-филологическом институте литературного факультета.

15 сентября были утверждены учебные планы литфака.

20 сентября окованы приемные испытания, а с 1 октября это будущих литературоведов, искусствоведов и критиков приступили к учебным занятиям.

Представители культпропа ЦК ВКП(б) тт. Юдина и Макаровский, наркомпрос РСФСР Эштейн и Габдуллин, зав. культпропом МК ВКП(б) Ангаров, писатели Кулик, Серафимович, Глазков, виднейшие литературоведы, искусствоведы, работники музеев и все сто студентов литфака присутствовали на состоявшемся 11 октября торжественном открытии литературного факультета.

Выступавшие с приветствиями товарищи отмечали своевременность и необходимость организации литературного факультета, говорили о тех

огромных требованиях, которые предъявляет страна к новому факультету и которые в свою очередь должны предъявлять в своей работе профессорско-преподавательский состав и студенческий коллектив.

— В стране наблюдается исключительный спрос на литературоведов, искусствоведов, музейных работников. Страна нуждается в знатоках литературы и языка, в знатоках культуры и языка, в знатоках с горячим революционным сердцем, — сказал т. Эштейн.

О громадных достижениях советской литературы, ставшей мировой литературой, о неразработанности марксистской эстетики и необходимости создания ее говорил Ф. Глазков.

— Нужно сделать литературную критику и литературоведение науками, стоящими на главе литературного движения, — заметил писатель и от имени ССР призвал будущих специалистов по искусству и литературе к дружбей совместной работе.

Эта же мысль звучала в приветствии А. С. Серафимовича, пожаловавшего аудиторию «плодотворной работы, которая нужна и писателям и громад читателям», и в выступлении т. Юдина, обещающего, как директор Института философии ИФП,

всеяческую поддержку и помощь молодому факультету.

Б повседневной работе над своим развитием, над углублением своих знаний призвал студентов директор Третьяковской галереи т. Кристи. — Хотите в театр, в музей, слушайте музыку, используйте отдых для расширения своего кругозора, — сказал т. Кристи.

Выступая с ответными речами, проф. Понтоковский, студент Коноза и директор историко-филологического института т. Пригожин обязались выполнять задачи, поставленные перед факультетом, обещали приложить все свои силы и знания для того, чтобы через пять лет страна смогла получить сто высококвалифицированных специалистов по литературе и искусству.

Это обещание было дано не только присутствующим на заседании. Новый отряд борцов за социалистическую культуру заверил в приветственных телеграммах учителя и друга советской литературы т. Сталина, великого писателя пролетариата Максима Горького и инициатора создания факультета, наркома просвещения А. С. Бубнова в том, что он упорной работой добьется создания высококвалифицированных марксистско-ленинских кадров для боевого фронта литературы и искусства.

ПРИВЕТСТВИЯ ТТ. СТАЛИНУ И ГОРЬКОМУ

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНИВИЧ!

Сегодня наш Историко-Филологический Институт вписывает в книгу своей истории знаменательную дату открытия нового факультета Литературы, Искусства и Языка. Студенчество нового факультета, всего нашего Института, Дирекция и Партия, совместно с посетившими нас писателями, деятелями науки и искусства шлет Вам, дорогой Иосиф Виссариевич, и другим товарищам привет любви и глубокого уважения к вам.

Открывая нашей литературной школе мы начинаем с приветствия Вас, любимый Иосиф Виссариевич, чье имя вселяет в нас бодрость и уверенность, чье имя стало символом великих большевистских побед на фронте социалистического строительства, чье мудрое руководство стало залогом успеха в борьбе за окончательную победу социализма.

Мы хорошо сознаем ответственность и трудность возложенных на нас задач в деле подготовки высоко-

квалифицированных марксистско-ленинских кадров для боевого фронта литературы и искусства. Мы будем упорно работать над подготовкой этих кадров, на долю которых выпала великая миссия быть борцами за первоочередное завершение культурной революции, за перевоспитание психологии и идеологии миллионов трудящихся масс в духе социализма и преодоления наследия старого мира.

Насаждайте и утверждайте социалистическую культуру, поставьте литературу и искусство на службу рабочему классу и колхозному крестьянству — вот наш боевой лозунг.

Да здравствует наш вождь, учитель и друг, великий Сталин!

Да здравствует растущая и крепнущая советская литература и искусство!

ДОРОГОЙ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ!

Мы, студенты и аспиранты вновь открываемого факультета Литературы, Искусства и Языка при Историко-Филологическом Институте, шлем горячее и дружеское приветствие Вам, пионеру и лучшему мастеру пролетарской литературы. Мы высоко ценим Ваше неослабное внимание и любовь к советской литературе, Ваше непосредственное руководство литературным фронтом, которое обеспечивает творческий и культурный подъем великих народностей Советского Союза и создание произведений социалистических по содержанию и национальных по форме.

Наша литература, развиваясь «под флагом советов, под флагом социализма» (Сталин), с каждым годом все шире и шире развертывает свои неисчерпаемые творческие возможности и на основе метода социалистического

реализма — этой столбовой дороги советской литературы — идет к созданию великих полотен, достойных эпохи социализма.

Закрывая с'езд писателей, Вы призвали: «Дружно, стройно, пламенно за работу!» Это определяет тот путь, при помощи которого мы, вступающие в ряды литературоведов, искусствоведов и лингвистов, сможем превратить в жизнь исторические решения с'езда.

Да здравствует советская литература и искусство!

Да здравствует величайший мастер художественного слова, наш любимый писатель Максим Горький!

Да здравствует друг и учитель советской литературы — наш великий Сталин!

ТАК ПРОЛЕТАРИАТ ЦЕНИТ СВОИХ ПИСАТЕЛЕЙ

„Ведомосцы литературе“ о с'езде писателей

В последнем номере варшавской газеты «Ведомосцы литературе» помещена обзорная корреспонденция Г. Каменского о первом всесоюзном с'езде советских писателей.

Автор корреспонденции весьма обстоятельно освещает работу с'езда, излагает содержание всех основных докладов и наиболее ярких выступлений советских писателей и тщательно воссоздает атмосферу, в которой работала с'езда протекла.

«Мало сказать, — пишет Г. Каменский, — что открытие первого с'езда писателей Советского союза возбудило общий интерес. Скорее надо было бы назвать это сенсацией, если бы это слово не было связано с понятием бессмысленного мешанского любопытства. Смело можно сказать, что ни в одной капиталистической стране с'езд литераторов не смог бы вызвать такого горячего интереса со стороны миллионов масс. О с'езде читались рефераты: в связи со с'ездом проходили многочисленные собрания на фабриках и в колхозах всего Союза, шли горячие дискуссии по поводу тех требований, которые надлежит предъявлять советским писателям.

В Москве шли настоящие бои за входные билеты на с'езд. Бульвар за десять раз больше, и то он не мог бы вместить всех желающих сидеть за прилавком. Выходили из положения отчасти тем, что рабочим, учителям и библиотекарям давались отдельные билеты. Колодный зал Дома со-

юзом, особенно в вечерние часы, был так набит народом, что очень трудно было пробраться на свои места. И все же за дверями оставались многие тысячи, которым приходилось отказываться от того, чтобы посмотреть и послушать с'езд».

Автор корреспонденции говорит дальше о той буре энтузиазма, которую вызвало появление на трибуне А. М. Горького.

«Перед с'ездом стоял писатель, волеющий в своем лице 40 лет борьбы за пролетарскую литературу. Биография Горького, известная всему миру, является исключительной биографией в летописи литературы. Писатель мировой славы, он был негодяем пролетарием, вынужденным собственным трудом овладеть элементарными началами образования. Когда-то затравленный революционер теперь стоял во главе первого на свете с'езда советских писателей, как признанный вождь одной из крупнейших литератур мира... Горький говорил спокойно, слегка задумавшись, как если бы он развивал мысли у себя в кабинете. Окруженный любовью и энтузиазмом всего с'езда, Горький словно не замечал всего этого; для него обстановка с'езда являлась как бы неправдой».

Переходя к приемам по докладу Горького, автор корреспонденции отмечает как одну из самых главных особенностей преобладающего кол-

лектива выступлений острому самокритику.

«Писатели с восторгом говорили о переживаемой ими эпохе, об окружающем их множестве больших впечатлений и новых людей, о горячем интересе к литературе со стороны масс и правительства. Но о самой литературе говорились с меньшим энтузиазмом. Писатели, имена которых в настоящее время известны всему миру, произведения которых переведены на различные языки, бичевали отставание советской литературы от жизни, провинциализм, недостаточную культуру формы и языка, недостаточное выражение словами Сталина, «овладение литературной техникой».

Дальше Г. Каменский дает характеристику докладу К. Радека.

«Ошиблись те, которые ожидали, что Радек, как обычно, даст докладный отчет о политическом духе, блестящий остроумием и начинением языческими шпильками. Это было широко задуманным и глубоко проработанным докладом, в котором, как всегда у Радека, была бездна аргументов, основательно переработанных».

Иначе характеризует автор корреспонденции заключительное слово, в котором Радек отвечал ряду своих оппонентов. «Он отвечал уже не Радек-профессор, но Радек-полемист, апеллировавший так к юмору, то к чувству. Это был великолепный диалектик, снабжавший каждую свою по-

11 ОКТЯБРЯ В ДОМЕ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА С ИНОСТРАННЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ, ВЕРНУВШИМИСЯ ИЗ ПОЕЗДКИ ПО СССР.

Дневник Литературной газеты

14 ОКТЯБРЯ

Недавно вышел из печати изданный Академией наук первый том «Литературного архива», составленный из материалов и исследований о материале и исследовании в Меморане богатейший материал, представляющий интерес не только для литературоведа-исследователя, для мастера и начинающего писателя, но также и для широких читателей, которым имя великого пролетарского писателя дорого и любимо.

Опубликована только небольшая часть той поистине колоссальной переписки, которую вел Горький с писателями, с начинающими авторами на рабочих и крестьян.

По и этот материал свидетельствует о том, какую грандиозную работу вел и продолжает вести М. Горький.

Достаточно прочитать письма, адресованные начинающим писателям Горькому, чтобы понять, какое значение для них имела фигура М. Горького. Вот начинающий в 1912—15 гг. М. Герасимов пишет М. Горькому, обращаясь к нему, как к учителю. И Саломея говорит о том, что никто кроме Горького «не сказал нам теплого и ценного слово, никто как Вы не помогает нам и не ведет к желанному и объясняющему нас свету».

Письма Горького к этим авторам дают возможность установить истоки тех литературных взглядов, которые развивал А. М. Горький в последних своих статьях, собранных в сборнике «О литературе». К этому же разделу примыкают рассказы А. М. Горького на рассказы Новикова, Крипичко и Кумова, статьи о Стриндберге и о Бьянке.

Большой историко-литературный интерес представляет переписка М. Горького и Л. Андреева. Разрыв между Андреевым и Горьким, обнаружившийся со всей очевидностью из переписки, — это разрыв двух мировоззрений, двух художественных методов, это разрыв между пролетарским революционером Горьким и мелкобуржуазным реакционером Л. Андреевым.

Любопытный раздел составлен из нецензурных и забытых произведений А. М. Горького, среди которых особенно интересна политическая сати-

ра Горького, относящаяся к 1905 году («О сером»).

Тщательная редакция, научные комментарии, предислание каждому разделу, вступительные статьи Ленинградских литературоведов свидетельствуют о любовном отношении к имени великого пролетарского писателя.

Следует пожелать, чтобы последние тома были изданы в ближайшее время.

Очень редко читателю удается, прочтя заинтересовавшую его книгу, непосредственно вслед за этим прочесть критическую статью о ней.

Статья о ней была. Он помнит даже названия их, встречавшихся ему в газетах. Но тогда книга еще не была прочитана, а сейчас — где же разместить нужный номер газеты.

Такова в большинстве случаев судьба критических статей-однодневков. Напечатанные в газете, они доходят лишь до весьма ограниченного круга читателей, и даже в журналах их судьба не бывает многим счастливей. Разумеется, это не может не отражаться на работе наших критиков. Сознание, что статья пишется для немногих, и предчувствие ее негодности во многом определяют характер и качество критических статей.

Все это делает вполне своевременной постановку вопроса об издании критических альманахов.

В них читатель должен найти критические статьи обо всех наиболее значительных книгах, вышедших за истекший период.

В них критическая статья обретет ту долговечность, которая поможет ей дойти до читателя.

И в них, наконец, всерьез сможет быть поставлен вопрос о повышении качественного уровня нашей критики.

Самый жанр статьи, написанной для критического альманаха, отличной от журнальной или газетной статьи, должен повысить интерес наших критиков к их работе. А возможность тщательного отбора, которую получит редакция альманаха, отсутствие спешки и наличие нужных условий для работы с авторами сделают альманах средоточием лучших сил нашей критики. Доседе не выданных и не собранных.

РЕШЕНИЯ С'ЕЗДА — В МАССЫ

ДВИЖЕНИЕ, ОХВАТИВШЕЕ КРАИ
ОТ НАШЕГО ГОРЬКОВСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Свыше 10 тысяч трудящихся Горьковского края прослушали доклады о первом с'езде советских писателей.

В Горьковском с'езде были поставлены на таких крупнейших предприятиях, как Сорново, в ряде цехов автозавода им. Молотова, а также на Кагановича. Грузчики порта во время доклада об итогах с'езда чрезвычайно интересовались докладом Максима Горького. Они подробно расспрашивали делегатов с'езда о беседах с Алексеем Максимовичем и т. п. Пионеры и школьники города требовали от делегатов с'езда отчета о том, какое место занимал вопрос о детской литературе на с'езде и над какими книгами для детей работают сейчас «взрослые» писатели и любимые писатели детей К. Чуковский, С. Маршак и др.

В ряде районов Горьковского края — в Вятке, Балахне, Дзержинске, Нурлате, Павлове — состоялись собрания партийно-комсомольского и профсоюзного актива, на которых отчитывались делегаты с'езда тт. Кочин, Шмидт, Муратов, Шестерников и др.

На собраниях партийного актива в центре Чувашской республики в Чебоксарах выступил делегат с'езда т. Золотов. После доклада партийный актив решил широко распространить решения с'езда, в частности доклад М. ГОРЬКОГО, речи А. А. ЖДАНОВА, СТАСЬКОГО и др. В ряде колхозов ЧАССР уже проведены собрания, посвященные итогам с'езда. Колхозники решают на собраниях организовать коллективные читки таких книг, как «Поднятая целина», они предъявляют требования выделительных об увеличении тиражей.

В Чувашской республике, в Марийской области, в колхозах Богородского, Котельничского, Уржумского, Малмыжского, Вятского районов колхозники проявляют исключительный интерес к вопросам литературы. Чувашский колхозник Алексей Герасимович Алексеев, выступая на собраниях, посвященном с'езду, заявил:

— Мы счастливы, что живем сейчас и работаем в ординарном крае, который носит имя нашего лучшего друга, нашего лучшего писателя Алексея Максимовича Горького!

АРК. ЛИТВИН.

БОЙЦЫ ИЗУЧАЮТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

АРХАНГЕЛЬСК (наш корр.). Бойцы и комсостав Н-го полка в Архангельске притягивали северных писателей поделиться впечатлениями о первом всесоюзном с'езде писателей.

Бойцы, выступавшие в приемах по докладу председателя Сев. Союза СП т. Попова, говорили о прочитанных книгах. Большим спросом пользуются «Поднятая целина», «Бруск», «Пучина», «Капитальный ремонт» и особенно «Тяжелый дивизион». Бра-

воарды читают Шекспира, Бернхарда Шоу, изучают Чернышевского. Из поэтов ищутся Маяковский, Белинский и др.

У отдельных красноармейцев есть небольшие библиотеки художественной литературы.

Собрание решили организовать полковой литкружок и пополнить библиотеку произведениями классиков и советских писателей.

И. Ж.

На большой дороге

Действие происходит в наши дни во Внешней и во Внутренней Монголии. Сюжет — странствования молодого монгола в поисках счастья. Персонажи фильма — пастухи, шоферы, ламы, монгольские революционеры, чахарский принц и его свита, актриса китайского театра японские скульпцы.

Отрывки взяты из разных частей сценария. Место действия: в 1-м и 2-м отрывке — Монгольская народная республика, в остальных — Внутренняя Монголия.

1. Шоферы

По большому Кобдоскому тракту бежит пятитонка.

Это старая однопалая машина с побитыми крыльями. Буфер привязан веревкой. Колеса вмяты. Мотор чихает.

Кузов набит ящиками, токами. На груде, цепляясь за него, восемь пассажиров. Китайцы. Это глубокие провинциалы, их даже не коснулись волны революции 1911 г., деревенщина в черных вышитых костюмах и с манчжурскими косами.

Несмотря на ужасную тряску, им удается перебраться словами:

Один (влетая): Прекрасная погода...

Другой (влетая): В этом году отключное лето...

Третий (проваляваясь): Как вы себя чувствуете?

Четвертый (падая на спину): Ничего. Силаху невозможно бьет...

Пятый: В этом положении есть одно достоинство: быстрота...

Шестой (вскрикивая): Я лежу на чем-то слишком выпуклом...

Седьмой: Советую вам перейти на мешок с пшеницей. В дальнем путешествии нет ничего лучше, чем лежать на шпалах...

Шофер не дает себе труда выбирать дорогу. Он развалился на подушке в той наизыгодней позе, которая считается в некоторой части монгольских шоферов высшим классом вождения автомобиля. Левой рукой он оперся на дверцу, правой небрежно вертит баранку. Это молодой монгол. Прямые черные волосы падают ему на глаза.

Он неоправдано, как его машина. Тонким голосом он поет песню:

Я еду из Кобдо в Улан-Батор
На старой машине с шестью пидрами.

Я беру шашлы и велосипеды в
Монообуниер

На трижды могущественный
Правильный Надам.

Вот за этой горой
Живет весьма милая девчонка
По имени Долма.

Утверждают, что она скромна,
Это — большое событие.

Трах. Машина резко остановилась. Пассажиры посыпались вниз. Тщедушный шофер надает газу и переводит скорости, машина плотно застряла в клеваевом грунте.

Шофер вылезает из кабины. Он осматривает колеса. Потом неслышно захуркает папиросу. Пассажиры смотрят на него.

— Придется почевать, — равнодушно говорит шофер.

— Придется почевать, — печально повторяет пассажиры и вежливо хлопает себя по штанам.

Гудок. Все оглядывается. Идалька бежит машина.

Это семитонная нефтянка. Ее грушевое курдючное тело вынесено высоко. Опрятнейший парень в синем комбинезоне сидит за рулем.

— Что о тебе, Лубсан-Перен? — кричит он, порывавшись с пятитонкой...

...Две машины гуськом бежат по дороге. Впереди нефтянка. За ней на буксире пятитонка.

Внезапно шофер первой машины Амоголан вылезает. Что-то дергает на дороге поражает его.

Потом он начинает прихорашиваться перед зеркальцем обратного вида, всматриваясь на раме. Он причешивается. Он смазывает волосы автотомобильным маслом, доставая его из жестянки. Он извлекает из-под подушки фетровую шапку, долго ее заглаживает и возмущает на голову. Он кроит любезные улыбки перед зеркалом. Зеркало мало. Амоголан ерзает на сиденье, лоя свое пригласительное изображение. Он доверяет управлению машиной левой руке. Ход машины утрагивает плавность.

Увлеченный этим шофер задвигает машину Лубсан-Перен выгнув из кабинки. Он поражает, наблюдая маневры Амоголана. Внезапно и он замечает на дороге то, что поразило Амоголана.

Он тоже начинает прихорашиваться: ерзает перед зеркальцем, причешивается, кроит обольстительные улыбки, наглаживает мажорную шапку. Занятый этим, временами он вовсе бросает руль.

Две машины бежат по дороге, странно вяло...

...В степи движется обоз. Переловив на верблюдах. Между двумя лапальными полвеками льда. В ней сидит человек в белой войлочной шапке. Его легко подбрасывает. Из-за льда высовываются пухлая голая рука, как у младенца.

На черной лошади навывучены знамена с изображением птиц молитвенные флаги и тибетские книги в деревянных футлярах.

Двигаются очень медленно.

Человек в дальке делает знак пальцем. Все останавливается.

Два мальчика вынимают его из льда и сажают на коврик, растеленный по камням. Он говорит окружающим: «Наше быстрое путешествие приходится к концу. Оно продолжалось всего два года и четыре месяца».

К нему согнувшись подходит старший монах, нагруженный различной едой. Тип буддийского ламы. Он говорит хриплым, заледеневшим голосом:

— Под вашим предводительством у деревьев вырастает крылья, доктор Семба.

— Он бывший солдат. Бережет копыта.

— Нет, он барышня. Лошадь не подковаана.

— По-моему, он монах.

3. В буддийском монастыре

Площадь в степном монастырском городке похожа на деревенскую ярмарку. По углам храмов не без нежности звенят шатаемые ветром колокола. Заметны приготовления к какому-то монастырскому торжеству. Монахи развешивают на домах длинные куски материи с квадратными тибетскими письмом.

По-русски это звучит так: «Сегодня наша обитель посетит многодетный». «Все приветствуют четырехдетного переродившегося». «Сегодня проездом из Тибета посетит нас доктор высшей мистики Семба».

В толпе видны пастухи, женщины, младенцы, иванды.

Перед главным храмом верхнетибетского стиля ксилографички пчугат и продает проложки талисманам, выкрикивая скороговоркой:

— Курпузавлабаранколес! Положи монету в бумажный мешок! Тигр-рожай ашадаруку! Положи монету! Начитай деловитицу!

Над монастырским городком сияют ряды магических вымпелов.

...В степи движется обоз. Переловив на верблюдах. Между двумя лапальными полвеками льда. В ней сидит человек в белой войлочной шапке. Его легко подбрасывает. Из-за льда высовываются пухлая голая рука, как у младенца.

На черной лошади навывучены знамена с изображением птиц молитвенные флаги и тибетские книги в деревянных футлярах.

Двигаются очень медленно.

Человек в дальке делает знак пальцем. Все останавливается.

Два мальчика вынимают его из льда и сажают на коврик, растеленный по камням. Он говорит окружающим: «Наше быстрое путешествие приходится к концу. Оно продолжалось всего два года и четыре месяца».

К нему согнувшись подходит старший монах, нагруженный различной едой. Тип буддийского ламы. Он говорит хриплым, заледеневшим голосом:

— Под вашим предводительством у деревьев вырастает крылья, доктор Семба.

4. У портного

Мастерская портного Гончика. Вечер. Длинный стол с лампой «монгол».

В открытую дверь виден ничтожный кусок улицы — каменный булыжник фонарь перед тракторной партой.

Гончик и Цывен стоят разрезают наваленные килы материи. Гончик это делает аккуратно. У Цывена материя мхотается, рвется. Вокруг него летает паутина от неправильной резки.

Входит заказчик — молодой человек в богатом халате, доходя до лопатки. У него длинные руки, массивная грудь. Осторожные движения, сила, бодрость уничтожить окружающие предметы.

— Если не ошибаюсь, — говорит посетитель, — сегодня кончился месяц летних сурков. (Грет нахаль над лампой. Лампа гудит). В такую погоду хорошо положиться на волю богу.

Гончик кладет свои большие ножницы. Отдвигает материю. Снимает очки.

— Осень, — говорит он печально. — Не желаете ли вышить теплый халат на вате?

Заказчик не отвечает пристально вглядывается в Цывена.

Цывен не поднимает головы.

Гончик (еще более печально): Может быть, шляпу из барсучьего меха?

Заказчик неохотно отворачивается:

— Мне нужно шить брюки. Короткие брюки из блестящей кожи. Я артист. Я хожу по круглой палке шириной в палец.

Схватив веревку, Гончик бросается на заказчика. Он обматывает живот, колени, лодыжки. В открытую дверь доносится дальний стук лязгана.

— Этот парень прилежный молодой человек. (Заказчик указывает на Цывена). Все время работает. Не поднимает головы. Не лезет с разговорами.

Цывен кроит не отрываясь. Сейчас он занят широким рукавом халата.

— Когда будет готов заказ, — продолжает посетитель, — он занесет мне их. В цирк. На базарной площади. Спросить актёра Сян.

Мать: Я не чаваю. (Чавкает).

Цывенник: Это с павлиньими перьями — князь Хопу Мergen-ван.

Жена чиновника (разглядывая подругу князя): Смотри, как она выстывает. Смешно.

Цывенник: Это калганская актриса. Она очень красива.

...На крыше ближнего сарая устроены раек. На соломенных тынках сидят черны: широкоплечие, круглолицые земледельцы-чахары и мужики-скотоводы.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

5. В цирке

...Китайский оркестр играет публику. — Труба, барабан, жестяная скрипка и дребезжащие литавры. Труба непрерывно кланяется подолжником. Барабанист пост фальцетом:

«Лошадь скачет, плещет волны, багряный Вагуань машет тенью»...

У ворот два артиста в трико и мадьярских шапках отряпав бляды.

Публика: монахи, женщины, калганские торговцы, жирный разраженный скопоромышленник с кнутом в руках, богатое монгольское семейство.

Подъехал книжный рыцарь в вместительной светлой повозке. На облучке сидит телеграфист с ружьем. Облучки таит два верховых монгола. Стеклопалые окна. Громоздкие колеса.

(Князь — одуловатый молодой человек с азиатским лицом, на груди его медаль. С ним едет красавица

княгиня. На подводе рыцаря нарисованы боюваты в «облаках». Внутрь карета обита мехами. По углам висят черные кисти из крученого шёлка».

Скамьи, расставленные по дороге, заменяющие артельные вал, переписаны местной знатью: человек в ласьем трухе, китайский офицер с огромным маузером.

Директор вышел к публике. Он сильный, коренастый и кривоногий, похожий на кавалериста.

— В Японии и Китае наш цирк снискал благодать, преданность и восторг, — выкрикивает он. — В Долиноне в нашу честь подражали Янь построил красное здание, которое он назвал Храма Сяна. В Сеуле одна богатая дама прислала на сцену 200 шелковых халатов. Победитель тигра и стрелы, скользящие по шесту — великий и знаменитый господин Сян.

Выходит и кланяется господин Сян.

...В ложе — семейство молодого чиновника. В середине сам чиновник в европейском пальто поверт халата. С ним жена — раскрашенная, как куколка, горожанка с большим гребнем в сверкающей черной причёске. Родственница — старуха монашка с бритой головой. Почтенный отец с четками. Дети. Перед ними чай. Конфеты, тыквенные семечки, ватки. Они едят, чавкая и хрустя.

Цывенник: Ты видишь, отец, сегодня собралось все княжество.

Отец: Не чавай, жена, ты оскорбляешь слух нашего сына. Он не простит чужака.

Мать: Я не чаваю. (Чавкает).

Цывенник: Это с павлиньими перьями — князь Хопу Мergen-ван. Жена чиновника (разглядывая подругу князя): Смотри, как она выстывает. Смешно.

Цывенник: Это калганская актриса. Она очень красива.

...На крыше ближнего сарая устроены раек. На соломенных тынках сидят черны: широкоплечие, круглолицые земледельцы-чахары и мужики-скотоводы.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

2. В пустыне

Прямая каменистая дорога. Направо стоит расщелина на две половины скалы. Налевую карликовая виа Цывен везает в Гоби.

Он дремлет, прямо сидя в седле. Голова его закинута назад.

Не просыпаясь, он посылывает погоняя лошадь: «Чо-дес-чо!».

...В стороне — широкое озеро, об-

разнавшись от дождей. Здесь временный водоем для скота. Масса роющих животных. На траве лежат молодые пастухи. с видом оскучавших людей на отдыхе болтают между собой.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Пополнить бычков. Это так интересно.

— Самое лучшее быть пастухом. Я так понимаю.

Идалька показывается всадник.

Пастухи по стуку копыт стараются угадать, кто едет.

— Он из дальних мест. Копь оседает на левую ногу.

Два мальчика вынимают его из льда и сажают на коврик, растеленный по камням. Он говорит окружающим: «Наше быстрое путешествие приходится к концу. Оно продолжалось всего два года и четыре месяца».

К нему согнувшись подходит старший монах, нагруженный различной едой. Тип буддийского ламы. Он говорит хриплым, заледеневшим голосом:

— Под вашим предводительством у деревьев вырастает крылья, доктор Семба.

Подъехал книжный рыцарь в вместительной светлой повозке. На облучке сидит телеграфист с ружьем. Облучки таит два верховых монгола. Стеклопалые окна. Громоздкие колеса.

(Князь — одуловатый молодой человек с азиатским лицом, на груди его медаль. С ним едет красавица

княгиня. На подводе рыцаря нарисованы боюваты в «облаках». Внутрь карета обита мехами. По углам висят черные кисти из крученого шёлка».

Скамьи, расставленные по дороге, заменяющие артельные вал, переписаны местной знатью: человек в ласьем трухе, китайский офицер с огромным маузером.

Директор вышел к публике. Он сильный, коренастый и кривоногий, похожий на кавалериста.

— В Японии и Китае наш цирк снискал благодать, преданность и восторг, — выкрикивает он. — В Долиноне в нашу честь подражали Янь построил красное здание, которое он назвал Храма Сяна. В Сеуле одна богатая дама прислала на сцену 200 шелковых халатов. Победитель тигра и стрелы, скользящие по шесту — великий и знаменитый господин Сян.

Выходит и кланяется господин Сян.

...В ложе — семейство молодого чиновника. В середине сам чиновник в европейском пальто поверт халата. С ним жена — раскрашенная, как куколка, горожанка с большим гребнем в сверкающей черной причёске. Родственница — старуха монашка с бритой головой. Почтенный отец с четками. Дети. Перед ними чай. Конфеты, тыквенные семечки, ватки. Они едят, чавкая и хрустя.

Цывенник: Ты видишь, отец, сегодня собралось все княжество.

Отец: Не чавай, жена, ты оскорбляешь слух нашего сына. Он не простит чужака.

Мать: Я не чаваю. (Чавкает).

Цывенник: Это с павлиньими перьями — князь Хопу Мergen-ван.

Жена чиновника (разглядывая подругу князя): Смотри, как она выстывает. Смешно.

Цывенник: Это калганская актриса. Она очень красива.

...На крыше ближнего сарая устроены раек. На соломенных тынках сидят черны: широкоплечие, круглолицые земледельцы-чахары и мужики-скотоводы.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

...Площадь. Разговор кучеров:

— Видел?

— Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не вижу. Только ластинку и голую ногу. Должно быть там делают чудеса.

— Слышишь?

— Я ничего не слышу.

...Приглушенная пирковая музыка. Улица среди закрытых торговых заведений. По ней прихрамывая идет Цывен, неся на выгнутой руке заказное платье.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ О ЛИТЕРАТУРЕ

Можно только приветствовать работу изд-ва «Академия», собравшего воедино литературные статьи Розы Люксембург. И не только собравшей, но и шести статей две («О Шиллере» и «Посмертные произведения Толстого») появляются на русском языке впервые.

Эти статьи принадлежат выдающемуся деятелю пролетарской революции, обязательное имя которого овеяно ореолом легендарной стойкости, честности и безаварной преданности делу рабочего класса, революционеру, широкий размах деятельности которого Ленин сравнивал с мощным парнем орла. Но статьи Розы Люксембург имеют значение не только в плане биографическом как показателе широкого диапазона ее интересов и высокой культуры. Они также имеют огромное литературное значение для наших дней.

Литературные взгляды Розы Люксембург неотделимы от ее политических взглядов, ее литературные статьи являются выражением ее политических установок в области литературы. Поэтому нельзя понять правильно книгу «О литературе», не установив основательно общих взглядов Розы Люксембург и ее роли в рабочем движении.

Роза Люксембург возмущалась так называемым германским «левым» с.д. во II интернационале. «Левые» склывались в основном к близким, но не являлись окончательно и целиком ряд меншевицкой, пестрой толпы космополитов. Ленин неоднократно критиковал ошибки «левых» и Розы Люксембург в частности («О брошюре Юнгуса»

